ПОРІВНЯЛЬНЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 821.161.3

Кошман П. Г.,
кандидат филологических наук,
Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина
pauloko7h@gmail.com

МЕЖДУ СВОИМИ И ДРУГИМИ: БЕЛОРУССКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. ГНИЛОМЁДОВА

Аннотация

В статье исследуются особенности белорусского восприятия мира в контексте дихотомии “свой – другой”, на основе произведений В. Гниломёдова, посвященных истории эмиграции и беженства белорусов, раскрывается значимость родного края в судьбе человека, определяются знаковые элементы авторской характеристики образа Беларуси, выявляются особенности белоруской рецепции мира других, представленных образами Америки и России.

Ключевые слова: белорусская литература, литературная имагология, свой, другой, Беларусь, Америка, Россия, менталитет, В. Гниломёдов.

Summary

The article deals with the peculiarities of Belarusian world perception in the context of dichotomy “own – alien”, based on the works of V. Gnilomedov devoted to the history of emigration and refugee of the Belarusians. The author points out the significance of the native land in the human destiny, defines the symbolic elements of the author's characteristics of the image of Belarus, analyses the peculiarities of the Belarusian perception of alien world, which are represented by images of America and Russia.

Key words: Belarusian literature, literary imagology, own, alien, Belarus, America, Russia, mentality, V. Gnilomedov.

Отображение в литературных произведениях дихотомии “свой – другой” представляет собой ценный материал для исследования того особого взгляда на мир, который определяет национальную сущность искусства слова. Значимость данной проблематики способствовала выделению её в отдельную область сравнительного литературоведения – литературную имагологию, предметное поле которой в последние два десятилетия активно разрабатывается украинскими (Д. Наливайко, В. Будный) и российскими учеными (В. Земсков, В. Хорев). Характерный для имагологического ракурса перенос литературных образов *своего* и *другого* в сферу коллективного национального сознания обуславливает обращение исследователей к произведениям, обладающим высоким уровнем репрезентативности. В современной белорусской литературе к их числу бесспорно относится цикл из шести романов В. Гниломёдова, представляющий масштабный художественный проект по осмыслению истории белорусского народа в XX веке. Ее малоизвестные страницы, связанные с эмиграцией

белорусов в Северную Америку в начале прошлого века и принудительным беженством в Россию в годы Первой мировой войны, составляют сюжетную основу двух первых книг писателя “Улисс из Пруски” и “Россия”. Соприкосновение в их повествовательном пространстве *своей* модели бытия и уклада жизни *других* наций очерчивает проблематику данной статьи и определяет ее целью исследование особенностей белорусского восприятия мира и художественных средств его выделения.

Значимость репрезентации национального образа мира в произведениях В. Гниломёдова закладывается несколькими уровнями осмысления важности исторического прошлого. Во-первых, форма повествования представляет собой семейную хронику, основу которой составляют факты из биографии деда писателя. Их достоверность позволяет убедительно отразить в судьбе главного героя романов Лявона Кужаля особенности мировоззрения того поколения белорусов, которое вступило во взрослую жизнь с началом XX века, стало свидетелем его достижений и трагедий. Во-вторых, анализ действительности этого времени в рассматриваемых произведениях характеризуется не только творческими поисками, но и тем особым вниманием к осмыслению ключевых элементов духовной и материальной культуры белорусской нации, в котором раскрывается богатый научный опыт В. Гниломёдава, являющегося известным белорусским литературоведом, академиком. В-третьих, общую идейную направленность своих произведений автор связывает с актуальными проблемами современного белорусского общества. Называя роман жанром “государственным, политическим”, В. Гниломёдов рассматривает творчество в данной художественной форме как выражение гражданской позиции писателя, направленной на укрепление суверенной Беларуси. “Літаратура, – по его признанию, – павінна падтрымаць яе незалежнасць менавіта раманамі. Якасным сучасным эпасам, праз які варта паказаць лёс народа на пакручастых каляінах гісторыі: паказаць набыткі, страты, прыгадаць мінулае, зазірнуць у будучыню, ацаніць нашы магчымасці” [1].

Построение сюжетных линий романов “Улисс из Пруски” и “Россия” достаточно схоже между собой, имеет одинаковую циклическую форму. Действие в них разворачивается в пределах небольшой белоруской деревни Пруски, что на Брестчине, а затем вместе с главным героем перемещается в чужие края (в первой книге – в США, во второй – в Россию), но неизменно возвращается обратно на родину. Несмотря на значимость пройденного героем маршрута и даже на отсылку в названии первого произведения к травелогической античной традиции, В. Гниломёдов не сосредотачивается собственно на фабуле путешествия. Увлекательность новых впечатлений, интерес к ранее

неизведанному, выявление экзотического – эти признаки литературы путешествий в его произведениях видятся второстепенными по сравнению с задачей по выявлению своеобразия национального мировоззрения. В ее решении образ Беларуси и образы чужих стран играют равнозначную роль: если в первом случае представлено видение *себя*, то во втором – отражается особенность белорусской рецепции *другого*.

Создавая образ Беларуси, В. Гниломёдов опирается на традиционную для белорусской литературы сюжетную схему выявления национального на том региональном материале, который тесно связан с биографией писателя. Воплощением своего белорусского мира в романе выступает деревня Пруска, географическое расположение которой на северной окраине Западного Полесья совпадает с родными местами В. Гниломёдова. Чувство привязанности к ним обуславливает настойчивое выделение в нарративе произведений тех оценок, которые создают впечатление об уникальности этого уголка белорусской земли. Лирические пейзажи окрестностей и колоритные зарисовки быта прусковцев, которыми наполнены страницы романа, несут ощущение личной авторской симпатии к ним, той кровной связи, которая играет определяющую роль в закреплении за прусковской местностью статуса особого литературного региона. Идеализированное восприятие родных мест автором гармонично перекликается с коллективными представлениями героев-сельчан, которые, как замечено в произведении, “не пазбаўлены былі… своеасаблівага гонару і пачуцця некаторай як бы вышэйшасці: вёску сваю называлі не вёскай, а сялом, хоць усяго ў той Прусцы налічвалася хат трыццаць, не болей” [2, 9]. За их стремлением представить среду своего существования самой лучшей, похвастаться “быццам у Прусцы самае сіняя неба, самая смачная вада, самыя пахучыя кветкі і самыя прыгожыя дзяўчаты” [2, 133] стоит потребность в самоутверждении, необходимость иметь для себя и показывать другим, те точки опоры в окружающем мире, которые укрепляют собственное достоинство, объясняют смысл своего существования в этом месте и в этом времени.

В. Гниломедов, избрав для повествования время национального становления Беларуси – начало XX века, не акцентирует особое внимание на тех темах, который были бы связаны с патриотическим пафосом эпохи. Хотя в романах упоминаются знаковые достижения белорусского национального движения: сборник стихов Ф. Богушевича, газета “Наша нива”, но они только констатируют веяния нового времени и не перерастают в открытый разговор о проблемах самоопределения белорусов. К проявлениям общенациональной жизни герои демонстрируют определенную сдержанность, не спешат относить их к числу тех важных вопросов, решение которых требует безотлагательных

действий. Лявон Кужаль после прочитанной книги Ф. Богушевича задумывается исключительно над проблемой социальной несправедливости, а белорусскоязычную уникальность издания оставляет вне внимания, воспринимая ее как должное. Газета “Наша нива” вызывает у его земляков живой интерес не столько тезисами национального возрождения, трудными для понимания в силу научности текста, сколько интересными заметками из жизни того времени.

В некоторой отстраненности героев произведений В. Гниломедова от национальных проблем реалистично отражается традиционная особенность восприятия белорусами *своего* мира, ограниченного обычно локальными масштабами повседневной жизни. Богатство пространственных деталей, с помощью которых в романах воссоздается уникальный топографический рисунок Пруски и ее околиц, разнообразие людских характеров сельчан, диапазон их чувств и ценностей формируют представление о самодостаточности как главной черте образа *себя*. Это соответствует традиционной модели мира белоруса, где родная деревня представляется центром, по мере удаления от которого другие поселения постепенно утрачивают чувство родственности. И если в произведении ближайшее местечко Каменец или более дальний уездный город Брест находятся на периферии собственного жизненного пространства, то заокеанская страна или далёкое Поволжье представляют миры, который существует как бы в параллельной действительности.

Художественная характеристика своего мира основывается в романах В. Гниломёдова на привычных для литературного имиджа Беларуси элементах ее самобытной народной культуры. Непринужденно вводит автор в сюжет сцены, в которых отражается вера белорусов в существование мистического начала. Примеры традиционных страшных рассказов о встрече со сверхъестественными силами подчеркивают в произведениях уникальность белорусского мировосприятия. Более того, сфера таинственного, мифологического, являясь в понимании героев-белорусов неотъемлемым атрибутом своего мира, проектируется ими на чужие страны. Поэтому с их стороны полностью уместно ставятся вопросы о том, есть ли “страхоцця” в Америке и водятся ли русалки в реке Самарка, протекающей возле российского села Заполонное.

Авторское повествование о жителях деревни Пруска упорядочено во времени с аграрным календарем белорусов, чередует сцены сезонных работ на земле с традиционными народными праздниками. Сенокос, жатва, молотьба, вечорки, Коляды, Пасха, Купала – эти знаковые моменты быта белорусского крестьянина воссоздают естественный ритм его жизни, представляют согласованность человеческого бытия с природой как основополагающую особенность родного края. В чужих краях, куда судьба заносит Лявона Кужаля, это

чувство гармонии он в полной мере уже не испытывает. Работа там, даже связанная с землёй, не имеет привычной размеренности, наполнена тем торопливым темпом, за которым стоит измерение времени таким атрибутом цивилизации, как деньги. А праздники на чужбине, лишенные для белоруса сакрального смысла, служат в повествовании одним из тех моментов, в которых наиболее выразительно проявляются отличия между ним и местными жителями. Именно во время торжественного обеда в честь американского Дня независимости автор меркантильному отношению недавних эмигрантов к родине противопоставляет то чувство естественной привязанности к месту рождения, которое испытывает его герой-белорус. В свою очередь, картина гуляния масленицы в российском Заполонном впечатляет безудержным весельем сдержанных белорусов, а их природное чувство самосохранения отрицает жестокость и бессмысленность обычая кулачного боя, ставшего в романе предвестником кровавых событий гражданской войны.

В романах В. Гниломёдова отражается белорусское народное понимание устройства мироздания и смысла человеческого существования, наделяющее особой значимостью то, что предопределено природой, проверено традицией, несет созидание. Согласно с этой системой ценностей выстраивается образ Лявона Кужаля и его отношение к окружающему миру. В смертельно опасных испытаниях, которые выпадают на долю героя, его выносливость, настойчивость в стремлении остаться живым воспринимаются как общая черта белорусского народа, неоднократно видевшего на крутых поворотах истории свою главную задачу в том, чтобы выжить, сохранить свой род. В самые сложные моменты жизни Лявона, когда он загибается от каторжной работы в литейном цеху завода Форда, замерзает после кораблекрушения в холодных водах Великих озёр, истекает кровью в воронке под Мяделем, ему придает силы мысль о родном доме, чувство долга перед своей семьей, близкими и любимыми людьми.

Возложенная на героя миссия по возвращению из дальних странствий домой по своей сути является иллюстрацией к известному высказыванию белорусского первопечатника Ф. Скорины о том, что как все живое на земле, так и люди к тому месту, где родились, “великую ласку имеют”. Переживания Лявона от расставания с родной стороной раскрываются в романах как закономерное, инстинктивное желание вернуться к своему первоначальному, естественному состоянию. Взгляд героя постоянно выхватывает из чужой реальности те детали, которые напоминают ему о доме. В американском небе он видит облака такие же, как в Пруске, жаворонок над широким русским полем поет для него так же, как и над прусковским клочком земли, – но все это остается для Лявона лишь напоминанием о том мире, с которым он разлучён.

Изображая белорусов в образах эмигрантов и беженцев, В. Гниломёдов представляет их связь с родной землей как одну из самых главных особенностей белоруской картины миры. Без пафоса, но очень убедительно через детали быта, повседневные чувства на страницах произведений воссоздается трагедия людей, оторванных от своей исконной среды обитания, лишенных той важной опоры, без которой они не могут больше чувствовать свою жизнь полноценной. Чувство ностальгии постепенно переполняет эмоциональный фон повествования, вырывается подсознательно во снах Лявона о родной деревне, осознаётся как причина утраты его земляками важной жизненной энергии. “У бежанстве, – замечает автор, – перасталі прускаўцы пладзіцца. Ад чаго гэта? Чаму? Маладзіцы, здаецца, здаровыя, ды і мужчыны не ўломкі” [3, 531].

Тема потерянной родины объединяет представителей разных времен и народов. Ее общечеловеческое звучание особо выразительно понимается в некоторых эпизодах из романов В. Гниломёдова, вызывающих ассоциации с известными литературными сюжетами. Например, дед Кирилл, старейший представитель семьи Кужалей, повторяет судьбу патриарха семьи Джоудов из романа американского писателя Джона Стейнбека “Гроздья гнева”: оба герои, прожив всю жизнь на родной земле, насильно оторванные от нее скоропостижно умирают в дороге. В контексте авторского сравнения Лявона с Улиссом символично прочитываются в романе В. Гниломёдова испытание героя американским благополучием. Своеобразным воплощением мифологического острова Цирцеи становится для деревенского юноши ферма Бузуков, которая заманивает образом прекрасной дочери хозяев Анет и перспективой самому стать хозяином. Но, как и в случае с Улиссом, соблазн приобрести рай означает для белоруса потерять родину: “Ён баяўся: а раптам адносіны з Анет стануць такімі, што давядзецца застацца тут, можа, назаўсёды” [2, 369].

Истории любви в жизни Лявона Кужаля связаны с образами трех женщин, представляющих разные народы: белоруска Ганна, американка Анет, русская Фёкла. Безусловно, этот выбор героя во многом определен не авторской волей, а реальной судьбой его прототипа. Тем не менее, их прекрасные образы несут в себе и оценку писателя, позволяющую увидеть за биографическими фактами обобщенный национальный тип женщины. В образе Ганны, ментально самом близком Лявону, выделяется искренность, неудержимость чувств, и одновременно, такие черты, как обреченность и покорность, приведшие героиню к трагической гибели. Под стать своей стране раскрывается в романе характер Анет, образованной, уверенной, стремящейся к переменам девушки, образ которой остается для героя самым колоритным. Фёкла, замужняя женщина, с которой сводит судьба Лявона

в Самарской губернии, воплощает чувственность, решительность, умение постоять за себя и за свое семейное счастье.

Обращаясь к образам Америки и России, белорусский писатель остается в стороне от традиционного выражения противостояния этих держав, очень редко сравнивает их между собой, но стремиться вдумчиво постигнуть сущность каждой из них, исходя из своей шкалы ценностей. Образ Америки выстраивается в постоянном сопоставлении с белорусским опытом жизни Лявона Кужаля. Его взгляд выхватывает из заокеанской действительности те отличительные и вместе с тем широко известные явления и реалии, которые представляют или имиджевую сторону американского уклада жизни, как, например, статуя Свободы и заводской конвейер Форда, или рисуют шаблонный портрет типичного американца с жевательной резинкой, постоянной улыбкой и заброшенными на стол ногами. Бешеный ритм жизни американских городов, небоскребы, автомобили, метро – весь этот захватывающий мир достижений научно-технического прогресса остается совершенно чужим для белоруса, который сохраняет свою принадлежность к традиционному миру деревни.

В Америке Лявон постоянно ищет и особенно ценит то, что напоминает ему родные места, а потому оказывается на сельскохозяйственной ферме около города Маршалтаун в штате Иллинойс. Подобный сюжетный ход дает возможность сопоставить категории белорусского и американского почти в одинаковых обстоятельствах, без тех дополнительных антагонизмов, которые усиливают ощущение чуждости. Американская семья Бузуков, которая имеет украинское происхождение, очень похожа на родную семью Кужаля. Патриархальный уклад жизни хозяев фермы, их упорная ежедневная работа на земле и даже крестьянская скупость для Лявона хорошо понятны и даже симпатичны. Тем не менее, именно здесь, в близких для себя условиях, герой наиболее отчетливо замечает те детали, которые отличают его, белорусское, мировосприятие от американского. Та забота о земле, которая объединяет Кужалей и Бузуков, является для них общим средством достижения важных, но различных жизненных целей. За мечтой о собственной земле, которая заставила Лявона направиться в путешествие, стоит стремление обеспечить достойное существование своей семьи, стать хозяином, что в белорусских реалиях начала XX в. означало почувствовать себя человеком. В свою очередь главные интересы мистера Бузука связаны с осуществлением идеи стать успешным предпринимателем, а потому земля для него – это сфера бизнеса, прибыль от которого важнее доброты и сострадания. Впрочем, автор показывает, что стремление к обогащению – черта не столько национальная, сколько социальная, находит ее и в российском хозяине Платонове Илье Александровиче.

В отличие от Америки, отражение России в произведениях В. Гниломедова не имеет такого резкого контраста с белорусской действительностью. Автор фиксирует некоторые колоритные различия в обычаях, быте жителей Поволжья, природе этого края, но в целом уклад жизни русского народа оказывается близким и понятным белорусам. Ключевой особенностью художественной репрезентации России в одноименном романе В. Гниломёдова выступает не столько своеобразие, сколько максимализм его проявления. Гостеприимность, богатство, бедность, свобода, хвастовство, любовь и ненависть – эти и другие категории бытия, свойственные любому народу, проявляются в российской действительности с особым размахом. Выбранное для повествования время гражданской войны усиливает этот эффект, делает проявление крайности нормой повседневной жизни и, тем самым, подталкивает белорусских беженцев к возвращению домой.

Таким образом, в произведениях В. Гниломёдова белорусское восприятие мира опирается на абсолютную значимость в судьбе человека родного края. Воссоздавая на его примере региональную модель самодостаточного существования белорусов, автор сопоставляет ее патриархальный, естественный облик с образами других стран, характеризующихся проявлениями чрезмерного расчета (Америка) или крайности чувств (Россия).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гніламёдаў У. В. Кожны пісьменнік стварае сваю літаратуру… [Электроны рэсурс] / У. Гніламёдаў // Звязда. – 2016. – Рэжым доступу : http://zviazda.by/be/news/20160826/1472225805-uladzimir-gnilamyodau-kozhny-pismennik-stvarae-svayu –litaraturu. – Дата доступу : 30.09.2016.

2. Гніламёдаў У. В. Уліс з Прускі : раман / У. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 382 с.

3. Гніламёдаў У. В. Расія / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Харвест, 2007. – 671 с.

Стаття надійшла до редакції 15 листопада 2016 року